

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ КАЗЕННОЙ ПРЕССЫ (НА МАТЕРИАЛЕ “ТОМСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ”)¹

© 2007 Ю.Л. Мандрика

Тюменский государственный институт искусств и культуры

Изучение экономического положения казенной² прессы XIX века позволяет моделировать способ функционирования провинциальных изданий в сегодняшних условиях. Власть и деньги — “две наиболее важные силы”, которые всегда “стремились оказать решающее влияние на печать” [10, 89]. Для неофициальной части губернских ведомостей всегда были иные режимы цензуры и финансирования, нежели у частной печати³. Стремление нынешних региональных властей участвовать в местных изданиях через оплату помещаемой официальной информации повышает уровень помех в информационном пространстве и заставляет искать пути, как сделать каналы связи более емкими для диалога между изданием и читателем.

В последнее время в научных исследованиях проскальзывает мысль, что практика современного законодательства в области печатных СМИ нередко напоминает политику Александра II [13, 346 и др.], пытавшегося ограничить свободу прессы при обсуждении существующей власти и преимуществ других форм государственного устройства. Возникающие исторические параллели заставляют всматриваться в практику тех лет, искать рациональное зерно, которое бы способствовало

успешному функционированию периодических изданий.

Становление прессы Сибири мало чем отличалось от такого же процесса в регионах европейской части России. Единственным существенным отличием были временные рамки: первые издания восточных окраин, а затем частные газеты и журналы начали появляться лет на 25–30 позднее, нежели в центральных районах государства. Сохранившиеся документы позволяют увидеть тот непростой путь, по которому вынуждены были проходить инициаторы создания провинциальной прессы.

В декабре 1854 г. директор училищ Томской губернии статский советник Федор Семенович Мещерин обратился в губернское правление с письмом, в котором задал волнующий образованную публику вопрос об издании “Губернских ведомостей”: “Не было ли переписки... у губернского правления с вышестоящим начальством” на этот предмет, “почему до сих пор не было признано возможным приступить к изданию означенных ведомостей”, позволит ли “состояние типографии... приступить в будущем году к изданию...” [7, д. 643, лл. 1–1об.; 23, 50–53].

В подготовленной справке достаточно обстоятельно изложена история вопроса. Еще в август-

¹ Документы того времени, касающиеся вопросов печати, в архивах Сибири практически не сохранились. Обнаруженные дела в Государственном архиве Томской области помогли определить выбор объекта исследования.

² Всю прессу исследователь А. Н. Боханов подразделяет на казенную и частную [2, 28–37]. Слово “казенная” в дискурсе данного исследования стилистически более точное. Энциклопедия фиксирует значение сочетания “казенные заводы” как “государственные промышленные предприятия, находившиеся в ведении различных ведомств” [1, 179]. Губернские ведомости, будучи продолжением сенатских изданий [7, д. 1108, л. 200об.], находились в ведении МВД, т. е. были казенными.

³ Читатель видел эту разницу в содержании издания. В начале 1865 г. во время редакторства Д. Л. Кузнецова в неофициальной части “Томских губернских ведомостей” сотрудничали самые яркие представители сибирского областничества — Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин. Мемуарист, ошибаясь в деталях, был совершенно точен в восприятии “официального органа”, неофициальная часть которого “пошла за настоящую как бы частную газету. Публика заметила появление оригинального провинциального органа печати и стала его читать, проникаясь сознанием тех местных интересов, в которых она до тех пор плохо разбиралась” [11, 134].

те 1847 г. гражданский губернатор генерал-майор П. П. Аносов уведомил губернское правление, что каждая губерния обязана “для облегчения порядка сношений издавать особые губернские ведомости” [7, д. 643, л. 2]. При этом его интересовало, как “привести в надлежащее исполнение означенное узаконение”. Согласно Именному указу, данному Правительствующему Сенату от 3 июня 1837 г., о порядке производства дел губернских правлений одним из пунктов было определено, что действие этого документа не распространяется на Сибирь и Остзейский край, а также на Кавказскую и Бессарабскую области.

Очевидно, сложные отношения между генерал-губернаторами и гражданскими губернаторами Сибири⁴ до появления на политическом горизонте П. П. Аносова не позволяли артикулировать проблему гласности, которая уже в 50-х начала выходить на авансцену всей российской периодики. К моменту обращения Ф. С. Мещерина с запросом в губернское правление первый номер ведомостей в Бессарабии вышел. Это случилось 17 июля 1854 г. Аналогичные издания появились на Кавказе и в остзейских губерниях.

Учреждение ведомостей предполагало финансовые затраты на содержание редактора, двух наборщиков и двух “тараторщиков”⁵. Предстояло увеличить помещение типографии “по крайней мере двумя комнатами”, завести новый типографский станок и литеры. Губернское правление решение такой задачи, как сказано в справке, “находит невыполнимым” [7, д. 643, л. 3об.] из-за недостатка финансов.

Тем не менее проект “О составлении и издании Томских губернских ведомостей” был написан. В нем были предусмотрены не только принцип подбора статей, но и технология прохождения их от предварительного просмотра тек-

ста и размещения его по столбцам (макет) до получения денег за подписку.

С момента обращения губернатора в губернское правление по поводу ведомостей до появления проекта издания прошло почти восемь лет. И лишь в 1855 г. Томский губернский совет рассмотрел насущный для Сибири вопрос.

Но и тогда губернское правление не решилось принять “на себя издания ведомостей без содействия гимназии”. Старший учитель Ф. Рудаков⁶ в рапорте заявил о готовности участвовать в “составлении и корректуре неофициальной части... если труд этот между им и г. Андреевым⁷ или кем-то другим будет разделен поровну, то... почитает для себя возможным принять эту обязанность, если будет назначено ему вознаграждение не менее 150 р. сер.” [7, д. 643, лл. 23об.–24] в год.

В главу об управлении Сибирью пункт об издании при каждом губернском правлении особых ведомостей попал лишь 6 декабря 1856 г. Высочайше утвержденное Сибирским комитетом положение об издании губернских ведомостей подвело итог переписке между гражданским губернатором и губернским правлением. И сразу в штатное расписание последнего был включен начальник газетного стола, который автоматически становился редактором ведомостей и начальником типографии. Неофициальная часть отдавалась на откуп представителю местного образовательного учреждения.

Но история с тремястами рублями в год в качестве платы за подготовку неофициальной части набирала обороты. Губернское правление “при внимательном и подробном рассмотрении всех соображений” предложило “не более 200 руб. серебром”. При этом двум учителям, пожелавшим заниматься Томскими губернскими ведо-

⁴ Во второй половине XIX в. Западно-Сибирское губернаторство объединяло Томскую и Тобольскую губернии, Восточно-Сибирское – Енисейскую и Иркутскую губернии, Якутскую и Забайкальскую обл. Отношения между гражданскими губернаторами и генерал-губернаторами не были определены по той причине, что институт последних не был прописан законодательно. См. подробнее [19, 95–158]. Ср. ситуацию с нынешними полномочными представителями президента.

⁵ В документе фигурирует разговорный вариант слова “тередорщик” – работник типографии, накатывающий краску на печатный станок. Попросту – печатник.

⁶ Коллежский асессор Филолог Васильевич Рудаков, из обер-офицерских детей, старший учитель российского законодательства Томской губернской гимназии, двадцати девяти лет. После окончания курса Императорского Казанского университета со степенью кандидата и золотой медалью определен старшим учителем судопроизводства в Томскую губернскую гимназию в январе 1849 г. С 1852 г. “с удержанием прежних должностей” изъявил желание стать секретарем Томского губернского комитета попечительства о тюрьмах [8, д. 203, лл. 11–16]. Впоследствии – инспектор училищ Восточной Сибири.

⁷ Надворный советник Яков Гаврилович Андреев, из обер-офицерских детей, 32 лет. Окончил полный курс наук в Императорском Казанском университете, утвержден студентом первого отделения философского факультета и определен генерал-губернатором Западной Сибири старшим учителем латинского языка в Томскую губернскую гимназию в ноябре 1845 г. [8, д. 203, лл. 5–10].

мостями, было предложено выделенную сумму “употребить на содержание в гимназии одного или двух пансионеров с присвоением им названия “пансионеров Томской гимназии” или, наконец, обратить ее в постоянное пособие бывшему учителю той же гимназии г. Эльснеру...”⁸. На полях документа была сделана кем-то приписка, что нет “более лестного вознаграждения, нежели денежная плата за труд” [7, д. 643, лл. 26–29].

В конечном итоге Томское губернское правление в письме на имя директора томских училищ от 14 августа 1857 г. сообщило о своем решении: “Особого вознаграждения в виде настоящей обязательной платы не представляется никакого основания... по неимению на подобный расход разрешения в законе... в случае затруднения в безвозмездном приобретении для Томских губернских ведомостей статей литературных и ученого содержания по недостатку желающих участвовать в оных своими трудами из одного лишь соревнования к успехам просвещения и общей пользе, неофициальный отдел сих ведомостей может быть наполняем статьями, заимствованными из других периодических изданий” [9, д. 2233, л. 20об]. Такой подход к авторам будущего издания определил судьбу “Томских губернских ведомостей”: отсутствие авторов не позволило неофициальной части регулярно появляться в свет на первом году издания. В одном из номеров помещено объявление за подписью Ф. Мещерина, что “по недостатку времени и средств на приготовление статей для части неофициальной” последняя отсутствует. И далее: “Соответственно... программе подготовлены самую редакцией и получены от некоторых сотрудников и корреспондентов многие любопытные по содержанию статьи. Конечно, редакция по своим скудным средствам не может обещать ничего изящного и занимательного; зато употребит все от нее зависящее сделать губернские ведомости, сколько возможно, нескудными и небесполезными для любознательных читателей. Если четвертая часть ее годичного издания признана будет достойною внимания, то, при ничтожной ценности газеты, и это должно привлечь к ней расположение публики” [22, 1857, № 12].

Законодательно затеяв издание, учредитель не хотел тратиться на его содержание. Хотя, как

еще верно заметил историк сибирской печати П. М. Головачев, ведомости стояли “не на одинаковой высоте; это зависело от степени просвещения и благожелательности лиц, стоящих во главе местной администрации края” [3].

По-другому обстояло дело в “Тобольских губернских ведомостях”.

В мемуарах Г. Н. Потанин писал, что он посылал статьи⁹ тобольскому губернатору В. М. Арцимовичу, за которые “получил от него гонорар сто рублей” [16, 137]. В другой период, когда тобольские журналисты решили сделать из неофициальной части литературный орган Сибири, вознаграждение авторам также выплачивали. Эпистолярные заметки В. В. Костюриной свидетельствуют, что в ведомостях “платят по 5 копеек за строчку и не могут найти сотрудников” [12, 295]. Недостаток литературных сил¹⁰ заставлял заинтересованных в существовании прессы лиц искать авторов, иногда и за пределами губернии, стимулировать их в нарушение существующего законодательства, лишь бы издание было интересным. Хотя поступления в кассы газет вплоть до 90-х годов XIX в. “складывались из стоимости подписки и небольших сумм от розничной продажи... Доход за публикацию платных объявлений... являлся также величиной незначительной” [2, 20]. В губернских ведомостях ситуация была аналогичной.

В середине шестидесятых из департамента полиции исполнительная за подписью министра МВД статс-секретаря П. А. Валуева в адрес начальников губерний был разослан циркуляр, в котором указывалось, что губернские типографии, “составляя обильный источник дохода для улучшения издания ведомостей, а также для усиления средств губернских правлений... находятся в совершенном застое, и в отношении производительности своей... далеко отстают от частного типографского производства” [7, д. 1108, л. 1]. Последнее же в своем развитии шло семимильными шагами. За период с 1834 по 1864 г. в России количество полиграфических предприятий увеличилось в 7,25 раза [14, 21]. Однако такие изменения никоим образом не коснулись сибирских губерний.

“Редкие наши города имеют публичные библиотеки, скудно поддерживаемые, что дока-

⁸ Старший учитель математики и физики Самуил Эльснер (март 1854 г.) в июне 1853 г. тяжело заболел [9, д. 206, л. 17].

⁹ Все публикации Г. Н. Потанина в “Тобольских губернских ведомостях” собраны в подборку в Антологии тобольской журналистики [21, 472-534].

¹⁰ В письме к Н. С. Щукину, пытавшемуся затеять литературный журнал “Сибирь”, Г. Н. Потанин писал: “И что за сотрудники, которыми Вы хвастаетесь... Вы просто насчитали в Сибири 80 человек пишущих и назвали их сотрудниками... Какая неопытность!.. Дело... в двух, трех постоянных, плодовых и дельных сотрудниках, которые и должны составить плоть и кровь журнала...” [15, т. 1, 59-60].

зывает нелюбовь к чтению нашего общества, — писал Н. М. Ядринцев в программной статье областничества “Сибирь в 1-е января 1865 года” [22, 1865, № 1]. — Во всей Сибири нет ни одной частной типографии¹¹, нет даже книжных лавок, как будто умственная жизнь чужда Сибири и ее городские жители более нуждаются в винных погребках, чем в великом изобретении Гуттенберга. В прошлом наши интересы никогда не выражались обществом, да оно и не имело для этого своего литературного органа. Целые столетия сыпались на Сибирь самые жестокие обвинения. Сибирь называли тундрой, неспособной ни к какой культуре, на нее смотрели как на место для каторжников, у нее отнимали всякую надежду на самобытное развитие народных сил, ей пророчили Лапландскую будущность и обрекали ее народ на коснение¹² среди тундр, подобно эскимосам”.

Такое положение культуры во всей Сибири зеркально отражалось на техническом оснащении типографии Томского губернского правления того времени. Это заведение было открыто в 1819 г. и до самого начала издания губернских ведомостей имело лишь три печатных станка “старого устройства”, которые от “времени дошли почти до полного разрушения”. Для набора имелось 10 касс литер, “не подновляемых по мере порчи”¹³ [22, 1871, № 11]. На таком оборудовании следовать циркуляру министра МВД было непросто. Но к письму из Петербурга были приложены “Некоторые правила относительно издания губернских ведомостей и ведения типографского дела в типографиях” [7, д. 1108, лл. 2–2об.]. Они и должны были стимулировать производственные процессы и типографии, и ведомостей.

Согласно существующим правилам редактор неофициальной части имел право на процентное вознаграждение от продажи издания, которое не должно было превышать 20 коп. с рубля. 25 % причиталось редактору от сумм, поступающих в кассу типографии за рекламу. Все публикации в

официальной части предлагалось сделать неоплачиваемыми. До 10 % от чистой прибыли могло быть потрачено на “усиление содержания начальника газетного стола, его помощника и остального личного состава типографии” [7, д. 1108, л. 3об.].

Эти документы красноречиво говорят, что издатель видел в губернских ведомостях коммерческое предприятие, неофициальная часть которого должна помещать интересные тексты согласно программе издания, способные доносить до читателя содержание официальных и частных объявлений. Именно программа издания, закрепленная в “Учреждениях губернских правлений”, формировала тематическую рамку для авторов неофициальной части ведомостей. Автор “Журнального дела”, работы, имеющей кликушеские интонации, адресованные журналистике, пытается рассуждать о побуждениях издателя. “Его цель — пожива от издания, которое ведется на подписные деньги; его интересы — увеличение подписки, которое дает барыши, его занятие — спекуляция печатным товаром” [20, 154]. Попробуем разобраться в этом суждении на материале сибирской казенной газеты.

Типография Томского губернского правления в 1864 г. на содержание чиновников и служащих затратила 4600 руб., на приобретение краски, бумаги, материала — 1200 руб., отопление и освещение обошлись в 1800 руб. При этом получено “чистого дохода от типографии... 4289 руб.” [7, д. 1108, л. 66об.].

Если проанализировать траты поштатно, то окажется, что типография ежемесячно тратила на содержание редактора неофициальной части 20 руб., наборщика — 12, тередорщика — от 5 до 5 руб. 30 коп. (данные за январь—октябрь 1865 г.) [7, д. 1108, л. 59–61об.]. Оплачивалась также работа трех писцов газетного стола.

Анализ прихода и расхода типографских средств за 1859–1866 гг. показал, что доходы с 5705 руб. в 1859 г., колеблясь, не поднимались выше этой цифры и снизились до 2344 руб. в 1865 г. Если на начальном этапе вышеуказанно-

¹¹ Первая частная типография в Томске была открыта в 1876 г. и принадлежала Торговому дому Михайлова и Макушина, годом позже у этих совладельцев появилась еще и литография. Книжный магазин, первый в Сибири, потомственный почетный гражданин Томска П. И. Макушин открыл лишь в 1872 г., затеяв годом раньше библиотеку для чтения [7, д. 1882, лл. 15–15об.].

¹² Здесь, очевидно, ошибка наборщика “Томских губернских ведомостей”, до сих пор тиражируемая исследователями. Скорее не “коснение”, а “касание” — кочевой образ жизни в тундре.

¹³ Чтобы понять “меру порчи” достаточно вспомнить “Тобольские губернские ведомости”: «буквы “д” вовсе не оказалось, и должность этой буквы приняла на себя ни с того ни с сего буква “о”». — Тобольские губернские ведомости. — 1857. - № 34. — С. 354. — Эта история артикулирована Г. Н. Потаниным так: «В первый год своего существования по недостатку в букве “о” принуждены были вм [есто] нее ставить букву “э”, которая была в излишке (или, может быть, наоборот), и предуведомить читателей, что они, где написано “глубэжэ” читали “глубоко” и в эт [ом] роде. Я думаю, редакция немало невольных каламбуров сказала так [им] образом” [15, т. 1, 170].

го периода на укрепление губернского правления из типографских средств было расходувано около 2100 руб. в год, то в 1865 г. эта сумма снизилась до 740 руб. 56 коп. [7, д. 1108, л. 95об.] В ходатайстве на имя губернатора правление просило беспроцентный заем из переселенческого экономического капитала в сумме 3344 руб. 20 коп. сроком на пять лет. Эти деньги предназначались для погашения долгов за бумагу, доставленную купцом Королевым, для приобретения типографских принадлежностей (“дурное состояние и требуют немедленной перемены”) [7, д. 1108, л. 68об.] и т. д.

Финансовое положение требовало от губернского правления безотлагательного поиска нестандартного решения проблем типографии. Были разработаны “кондиции, на основании которых Томская губернская типография может быть передана в аренду” [7, д. 1108, лл. 98–103об.]. Гипотетическому арендатору вменялось бесплатное печатание правительственных распоряжений, а также распоряжений как губернатора, так и правления на бумаге губернского правления. Губернские ведомости также должны были печататься на газетной бумаге за счет последнего, но из расчета по два рубля серебром за каждую сотню экземпляров, а также с оплатой бумаги не выше двух рублей за стопу. При этом “кондиции” содержали требование: “Печать должна быть чистая, черная и четкая”. В описи имущества типографии значились два чугунных станка, “совершенно годные к употреблению”, и два деревянных, которые “приходят уже в ветхость, так как служат более 45 лет” [7, д. 1108, л. 104]. Всего имущества согласно описи значилось на 2000 руб. серебром. Трудно сказать, почему от этой идеи в губернском правлении отказались. Не исключено, что из-за финансовой нестабильности типографского заведения не нашелся арендатор.

Требования из МВД России способствовали тому, что дело стало упорядочиваться. Была утверждена такса для взимания платы за печатание различных бланков. Так, набор полного листа формата писчей бумаги шрифтом цицера стоил заказчику 1 руб. 80 коп. За печатание одного экземпляра с обеих сторон полагалась 1 коп. В 1865 г. чистый доход типографии вырос. В 1866 г. только

объявления в официальной части дали типографии 880 руб., а в неофициальной — 9 руб. Частный и обязательный подписчик заплатил в кассу 1564 руб. 50 коп., продажа отдельных экземпляров издания принесла 262 руб. (при тираже около 500 экз.¹⁴). Всего поступило в кассу 6978 руб., при этом осталась задолженность за подписчиками “Томских губернских ведомостей” на сумму 1233 руб. и за работу типографии — 705 руб. [7, д. 1108, лл. 135–138об.].

Если сосчитать деньги, поступившие за подписку в 1864 г. (3 руб. x 379 + 5,5 руб. x 55), то получим 1339 руб. 50 коп. Согласно денежным поступлениям в 1866 г. тираж издания несколько вырос. Но, судя по сумме долга за подписку, некоторые присутственные места годами вообще ее не оплачивали или делали это частично. Даже по цене, предлагаемой арендатору, затраты на полиграфическое исполнение при 52 номерах в год составляли 1040 руб., зарплата редактору неофициальной части составляла 240 руб. в год. Оставались содержание помещения (освещение и тепло), транспортировка бумаги. При таком положении дел увеличение тиража давало только одни расходы. Увеличить стоимость подписки не было возможности: она была оговорена законодательно: 3 руб. для присутственных мест. Цена с доставкой для частного лица была равна 5 руб. 50 коп. Надо было искать другой путь содержания издания¹⁵.

В 1868 г. Томское губернское правление обратилось к губернатору с представлением “О взимании денег за припечатание в губернских ведомостях” [7, д. 1108, лл. 199–224об.]. До сих пор цена каждого частного объявления равнялась 3 руб. серебром. Однако всяческая информация о торгах и переторжках помещалась бесплатно, с обязательным возмещением денег за печатание объявления сразу после завершения торгов городским бюджетом. Последний пытался взыскать эти суммы с участников торгов. Это самый простой случай, о котором шла речь в документе. Поскольку податели объявлений зачастую сообщали о бродягах, розысках различных лиц, то они пытались эту информацию поместить безденежно. При таком способе размещения объявлений “типография лишается до трети доходов”¹⁶.

¹⁴ В 1864 г. рассылались бесплатно в казенные учреждения 90 экз., за плату в присутственные места (волостным правлениям, сельским церквям и т. д.) — 379 экз., подписчиков было 55. Рассылаемый тираж составлял 524 экземпляра [22, 1965, № 6].

¹⁵ Иркутский исследователь С. И. Гольдфарб аналогичный расчет произвел с “Енисейскими губернскими ведомостями” [5, 96–99], правда, по более сложной методике, рассчитывая отдельно печать тиража на серой, а части — на белой бумаге. Его мнение: годовое издание губернских ведомостей обходится типографии до 1823 руб. 72 коп., а доход от подписки составляет примерно 1574 руб.

¹⁶ От объявлений в “Харьковских губернских ведомостях” в конце XIX в. было получено 27 тыс. руб. [4, 45].

По мнению авторов представления, деньги за “сии объявления взыскиваются с виновных”.

П. А. Валуев поставил очередную задачу перед губернскими типографиями: словолитня МВД может решить все проблемы провинциальных предприятий. Уже в 1868 г. было приобретено свыше 30 пуд. различного материала, начиная от шрифтов и гербов, заканчивая квадратами и шпациями. Типография Томского губернского правления готовилась конкурировать на рынке частных услуг.

В 1869 г. отставной коллежский асессор Г. А. Калинин обратился к министру внутренних дел с просьбой: разрешить под его редакторством еженедельное издание под названием “Сибиряк”: “после моей беспорочной 20-летней службы по Министерству народного просвещения... имею свидетельство Вятской полиции, где я держал типографию, и таковую же теперь открываю в Томске. Для издания газеты я нарочно переехал на жительство в г. Томск, как в центр Западно-Сибирской жизни и цивилизации, и терпеливо ожидаю своего преднамерения”.

Однако Г. Калинин, сообщая, что имеет типографию в Томске, поспешил. В конфиденциальном письме № 165 от 10 августа 1865 г. [18, лл. 28–28об.] из Совета Министров по Делах книгопечатания содержалось разъяснение: “Желающие завести типографию и т. п. заведения на основании ст. 2, 20 и 25 Высочайше утвержденного 6 апреля сего года Государственного Совета о типографиях и т. п. заведениях должны повсеместно, кроме столиц, получать на то дозволение от начальника губернии...” [6, 8]. В письме от 21 октября 1869 года на имя генерал-губернатора Западной Сибири томский гражданский губернатор писал, что заявителю “мною было отказано без объяснения впрочем причин отказа, потому что, руководствуясь конфиденциальным циркуляром... Министра внутренних дел от 10 августа 1865 г. за № 165 на сей случай и соображаясь с средствами полицейского надзора в г. Томске, я признавал и признаю теперь решительно невозможным дать это разрешение, так как полицейский надзор здесь весьма скудный по населению города, населению, состоящему большей частью из элементов, требующих особой бдительности полиции, что известно и Вам, а между тем она по недостаточному составу своему с большим трудом исполняет свою обязанность, сопровождаемую нередко чрез это медленностию в производстве дел ее, требующих по существу скорого исполнения” [6, лл. 5–5об.]. К тому, объяснял гражданский губернатор, открытие частной типографии могло служить к возникновению финансовых затруднений уже в будущем году. Ибо из прибыли, планируемой типографией,

почти 4000 руб., по распоряжению МВД, отдавалось на содержание губернского правления. При этом письме находилось представление Томского общего губернского управления № 291 от 12 августа 1868 г.

В нем рассматривалось финансовое положение типографии за последние четыре года. Все это время росли оборот и прибыль: “...оказывается, что в два последние года и 1-ю половину текущего хотя оборот типографии представляет увеличение почти в два раза более противу прежних лет, несмотря на отмену обязательной рассылки губернских ведомостей сельским церковным приходом, земским позициям и дворянским заседателям, лишившую дохода до 1000 руб., тем не менее... типография приобрела возможность без посторонней помощи, о чем ходатайствовало без удовлетворения, выписать на свой счет новую скоропечатную машину, стоящую с провозом 3236 руб. 34 коп., и словолитню 581 руб. 15 коп., а всего 3817 руб. 40 коп., за что уже уплачены деньги” [6, лл. 6–6об.]. При этом губернское правление подчеркивало, что при частной конкуренции доход “объясненной типографии должен будет сократиться, несмотря на удешевленную, ныне действующую таксу на типографские работы”, т. к. частный предприниматель может еще снизить плату за услуги печати “против казенной таксы и понести на первый раз убытки, с целью по ознакомлению удержать на будущее время постоянных заказчиков”, особенно при работе в кредит. К тому же, по мнению губернского правления, “в частной типографии, как известно, имеются разные типографские украшения, которых казенную типографию еще не приобретено”. Но самое главное было в другом: “если содержательницей частной типографии будет открыта газета, то губернская типография и в этом случае может лишиться дохода от уменьшения числа частных подписчиков по той вероятной причине, что фельетон газеты, в котором могут быть помещены статьи литературного содержания, вообще разностороннее, более привлечет к подписке на частную газету, нежели на губернские ведомости, в фельетоне, который дозволен законом, помещаются статьи только газетного содержания: исторического или статистического, относящегося преимущественно до здешней губернии”. Проанализировав цифры, губернское правление приходит к убеждению, что при существовании частной типографии нельзя будет “приобрести суммы, ассигнованной по распоряжению г. Министра внутренних дел на 1869 г.” [6, лл. 7–7об.].

“Томские губернские ведомости” на этапе становления финансировались исключительно за счет денег, заработанных типографией губернс-

кого правления. МВД России, выступая в роли представителя издателя, регулировал ход дел по переоснащению предприятия, стимулировал сбор рекламы и объявлений, контролировал расходы, требуя регулярного отчета своей деятельности, перераспределяя доходы.

Губернское правление забирало частично доходы типографии на содержание своих служащих, заботилось о финансовой составляющей деятельности, ограждало от конкурентов на рынке типографских услуг, но нисколько не интересовалось качественной стороной неофициальной части губернских ведомостей, превратив их в издания одного автора, которым чаще всего и был его редактор. “Стать же в положение самостоятельного серьезного политического органа — это пока недоступно для провинциальных изданий даже в мечтах самых горячих приверженцев провинциальной печати. Наконец, возможность обеспечить свое существование с помощью лишь меньшинства читающего общества — существует только для каких-нибудь трех-четырех крупных центров нашей экономической и умственной жизни, к которым тянутся значительные районы; все же остальные местные органы могут существовать только под условием принятия во внимание симпатий, стремлений и желаний, взглядов и убеждений большинства местного общества” [17, ст. 1091].

За 1878–79 гг. плата за помещаемые в ведомостях объявления достигла 3706 руб. 44 коп. За эти же два года в кассу заведения за типографские и литографические работы поступило 3698 руб. 73 коп. Подписные деньги составили 1923 руб. 78 коп. [7, д. 1916, л. 31об.]. В среднем поступления за издание составили 2815 руб. в год. Т. е. поступлений от подписки за ведомости и объявлений в них стали несколько больше, нежели от деятельности типографии. Однако финансовая ситуация, в которую поставил издатель “Томские губернские ведомости”, лишала самостоятельности в расходовании заработанных на подписке и объявлениях денег, что привело тип издания к неконкурентоспособности на рынке газетных услуг по сравнению с появившимися частными изданиями.

Такая же ситуация наблюдалась и в других казенных изданиях Сибири. Все это способствовало упадку неофициальной части ведомостей, а к концу 90-х годов и отмиранию как издания газетного типа на территории всей Восточной России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большая советская энциклопедия. — Изд. 3-е. — М.: Советская энциклопедия, 1973. — Т. 11.

2. Боханов А. А. Буржуазная пресса России и крупный капитал / А. А. Боханов. — М.: Наука, 1984. — 152 с.

3. Головачев П. М. Прошлое и настоящее сибирской печати / П. М. Головачев // Восточное обозрение. — 1903. - № 17.

4. Гольдфарб С. И. Газетное дело в Сибири (XIX — начало XX в.): автореф. дис... докт. ист. наук / Гольдфарб Станислав Иосифович. — Иркутск, 2003. — 78 с.

5. Гольдфарб С. И. Газетное дело в Сибири (XIX — начало XX в.): дис... докт. ист. наук / Гольдфарб Станислав Иосифович. — Иркутск, 2003. — 409 с.

6. Государственное учреждение “Государственный архив Омской области”. — Ф. 99. — Оп. 6. — Ед. хр. 8729.

7. Государственный архив Томской области (далее — ГАТомО). — Ф. 3. — Оп. 2.

8. ГАТомО. — Ф. 3. — Оп. 4.

9. ГАТомО. — Ф. 99. — Оп. 1.

10. Есин Б. И. Русская газета и газетное дело в России: задачи и теоретико-методологические принципы изучения / Б. И. Есин. — М.: МГУ, 2003. — 132 с.

11. Катанаев Г. Е. На заре сибирского самосознания: воспоминания генерал-лейтенанта казачьего войска / Г. Е. Катанаев. — Новосибирск, 2005. — 368 с.

12. Комарова Т. С. Из переписки М. Н. и В. Ф. Косюриных с Г. Н. Потаниным / Т. С. Комарова // Тобольский хронограф. — Екатеринбург: Уральский рабочий, 2004. — Вып. 4. — С. 282–308.

13. Коновченко С. В. Информационная политика в России / С. В. Коновченко, А. Г. Киселев. — М.: РАГС, 2004. — 528 с.

14. Летенков Э. В. “Литературная промышленность” России конца XIX — начала XX в. / Э. В. Летенков. — Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1988. — 176 с.

15. Письма Г. Н. Потанина / сост. А. Г. Грумм-Гржимайло, С. Ф. Коваль, Я. Р. Коваль, Н. Н. Яновский. — Иркутск: Иркутский университет, 1987–1990. — Т. 1. — 1987. — 280 с.; Т. 2. — 1988. — 344 с.; Т. 3. — 1989. — 298 с.; Т. 4. — 1990. — 428 с.

16. Потанин Г. Н. Воспоминания / Г. Н. Потанин // Литературное наследство Сибири. — Новосибирск, 1983. — Т. 6. — 336 с.

17. Провинциальная печать // Неделя. — 1885. - № 31. — 4 авг. — Ст. 1089–1093.

18. Российский государственный исторический архив. — Ф. 776. — Оп. 34. — Ед. хр. 13.

19. Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь: административная политика второй половины XIX — начала XX века / А. В. Ремнев. — Омск, 1997. — 254 с.

20. Соколов Н. В. Журнальное дело / Н. В. Соколов // Экономические вопросы и журнальное дело. – СПб., 1866. – С. 131-168.

21. Тобольские губернские ведомости: сотрудники и авторы: антология тобольской журналистики конца XIX – начала XX в. / сост. Ю. Л. Мандрика. – Тюмень, 2004. – Кн. 1. – 624 с.

22. Томские губернские ведомости. 1857–1917.

23. Шевцов В. В. Становление и развитие “Томских губернских ведомостей” в 1854–1881 гг.” / В. В. Шевцов // Актуальные вопросы истории Сибири: пятые научные чтения памяти проф. А. П. Бородкина: 6–7 окт. 2005 г. – Барнаул, 2005. – С. 50-53.

Рецензент – В. В. Тулунов.

Статья принята к печати 23.09.2006.